

ЛОШАКОВ Александр Геннадьевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры литературы и русского языка филиала Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске Архангельской области. Автор более 100 научных публикаций*

ПОПОВ Роман Васильевич, доцент, доцент кафедры литературы и русского языка филиала Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске Архангельской области. Автор более 60 научных публикаций**

О ТРАГИЧЕСКОЙ ИПОСТАСИ СЕВЕРОДВИНСКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Предметом анализа в статье является трагический план содержания Северодвинского поэтического текста. Данная текстовая формация представляет собой субтекст Северного регионального текста русской литературы (сверхтекста). Интенсивное формирование Северодвинского текста происходило в начале 90-х годов XX века с приходом в литературу нового поколения поэтов (И. Павлов, Э. Федоренко, А. Прудникова, А. Сазонов, Т. Щербинина, А. Менц и др.). Именно в их творчестве ярко проявила себя трагическая ипостась северодвинского локуса, возникшая в противовес созидательно-героической, романтической, представленной в подцензурных текстах о городе. Трагическое звучание Северодвинского текста во многом мотивировано «лагерным» прошлым города. Способствуют созданию смыслового единства Северодвинского текста как субтекста Северного сверхтекста внутренние интертекстуальные связи; общий с ним мотивно-образный фонд (путь, поиск, смерть, замкнутое пространство, одиночество; море, река, берег, дом, болото, кладбище, ядерный могильник, зона, ветер, ночь, черные птицы и др.); инвариантный сюжет (продвижение героя в физическом и метафизическом пространстве локуса в поисках ответов на вечные экзистенциальные вопросы, путей спасения); тип героя (духовный странник). В силу действия принципов исторической аналогии и смысловой трансгрессии в Северодвинском тексте актуализируются тегические и эсхатологические смыслы о создании и гибели города Петербургского текста русской литературы. Данные смыслы выражаются посредством обширного ряда цитат и реминисценций. Программными произведениями Северодвинского текста являются стихотворения И. Павлова, А. Прудниковой и Т. Щербининой с одинаковым названием «Закрытый город». Концептуально значимым в субтексте выступает параллелизм между образами Петра I и Сталина, имена которых часто табуируются. Пронзительно звучат в стихах безвременно ушедших поэтов И. Павлова, А. Сазонова, Э. Федоренко, А. Менца мотивы предчувствия смерти, роковой судьбы. Мифопоэтическое и мифологизированное пространство Северодвинского текста пронизано смыслами как отрицательной, так и положительной семантики.

Ключевые слова: Северный текст русской литературы, Северодвинский поэтический текст, Петербургский текст русской литературы, городской сверхтекст, эсхатологический миф, тетический миф, смысловая трансгрессия, И. Павлов, А. Сазонов.

---

*Адрес: 164500, Архангельская область, г. Северодвинск, ул. К. Маркса, д. 36; e-mail: a.loshakov@narfu.ru

**Адрес: 164500, Архангельская область, г. Северодвинск, ул. К. Маркса, д. 36; e-mail: r.popov@narfu.ru

Для цитирования: Лошаков А.Г., Попов Р.В. О трагической ипостаси Северодвинского поэтического текста // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 6. С. 39–52. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.39

Северодвинский поэтический текст (СПТ), обладающий собственным концептом-денотатом (г. Северодвинск как внетекстовая, мифологизированная и мифопоэтизированная макросмысловая структура), в «свернутом виде» содержащим информацию об истории и судьбе города, которые прочно связаны с судьбой России, Русского Севера, является органичной частью Северного текста русской литературы, его городским субтекстом. По вполне понятным причинам корпус текстов, репрезентирующих СПТ, не велик и значительно уступает в своем объеме, к примеру, таким известным городским сверткстам, как Пермский, Калининградский, Архангельский и др., не говоря уже о Петербургском или Московском. И горькие слова одного из авторов рассматриваемого городского текста Андрея (Арона) Менца (1968–2014) *В этом городе нет стихов – Есть причастные к написанию*¹ – это далеко не поэтизм.

Собственно в пространстве русской литературы СПТ начал имплицировать и идентифицировать себя лишь в конце 80-х – начале 90-х годов XX века, когда в противовес романтизированной, героизированной образной ипостаси г. Северодвинска, представленной в подцензурных текстах, все отчетливее стала раскрываться иная его ипостась – трагическая, предсуществовавшая в последних преимущественно *irtiplicite* как прагматическая фигура *у-молчания*, как значимый ценностный фон, что было предопределено историей основания и существования этого города-призрака, которого не было на картах Советского Союза. Данная особенность не могла не проявиться на словесно-образном уровне СПТ, не выразиться в мотиве памяти и образе города-фантома: *Этот город – фантом. / Я ищу в нем любимые лица. / Собираю осколки / потерянных давних времен. / <...> И мне кажется чудом, / что после далеких скитаний / Он на месте своем, / хоть на картах его не найти...*²

Предметом непосредственного рассмотрения в нашей статье является новый – трагедийно-рефлексирующий – аспект в осмыслении судьбы Северодвинска, проявившийся в стихотворных текстах северодвинских поэтов и послуживший фактором создания целостного словесно-художественного сверткстового образования – СПТ.

Как известно, вплоть до начала 1990-х город относился к закрытым административно-территориальным образованиям, поскольку в его черте располагаются два крупнейших военно-оборонных предприятия – АО «ПО «Севмаш» и АО «ЦС «Звездочка». В советское время они были засекречены и любые попытки упоминания о них в газетах строго пресекались цензурой. Работникам заводов предписывалось скрывать профиль предприятий, на которых они трудятся; многие из сотрудников давали подписку о неразглашении секретной информации. Город экзистировал словно в двух измерениях: на заводах строили и модифицировали атомные подводные лодки, а в газетах писали о производстве мебели, товаров народного потребления и т. п. Трагической была история возведения завода № 402 (ныне – Севмаш) и самого города, на территории которого и в близлежащих деревнях в 1938–1953 годах располагался Ягринский исправительно-трудовой лагерь НКВД-МВД (Ягринлаг), состоявший из 9 отделений и нескольких лагпунктов. Таким образом, Северодвинск (бывший Молотовск) построен на костях многих тысяч замученных узников ГУЛАГа и вольнонаемных, притом в малопригодном для жизни месте – на болоте.

Понятно, что в текстах о городе, публиковавшихся в советский период, подобные факты, как правило, умалчивались. В публицистике и стихах господствовала официозная риторика, активно использовавшая такие поэтические клише, как *город молодой*, *город у моря*, *город юности* и т. п. В перестроечный период этот словесный ряд пополнился новыми штампами:

¹Менц А. Возвращение в город С. URL: <https://www.stihi.ru/2014/02/25/1349> (дата обращения: 24.01.2018).

²Дубровская С. Пункт с названием «С» // Город мой молодой: сб. стихов о Северодвинске / сост., ред. А. Шишкин. Северодвинск, 2013. С. 26.

город корабелов, город-завод, город трудовой доблести и славы. Впрочем, и сегодня те и другие речевые формулы продолжают активно функционировать, причем не только в официальном дискурсе, но и в стихах, например заводских авторов.

Важно отметить, что в публикациях газеты «Сталинец Судостроя» за 1937 год, выходящей в рабочем пос. Судострой (с 1938 года – г. Молотовск, с 1957 года – г. Северодвинск), содержатся материалы, которые дают четкое представление о поистине титаническом, поистине героическом труде первых строителей нового города³, и этот аспект в истории города обусловил формирование и соответствующих дискурсивных стратегий, и поэтического словаря СПТ.

Однако помимо конкретно-исторических presupпозиций внетекстовой структуры СПТ были и собственно литературные обстоятельства, способствовавшие актуализации в нем ее трагедийного содержания. Во-первых, это несомненная принадлежность северодвинского локуса духовно-эстетическому пространству Северного текста, репрезентирующего, с одной стороны, такие ключевые смыслы, как «край земли», «край света», «край в версте от ада», «место ссылки и каторги», «место мучений, страданий и гибели», а с другой – противостоящие им такие смыслы положительной семантики, как «чудо», «тайна русской души, русского слова, русской истории», благодаря которым Русский Север предстает воплощением гармонии природного и культурного, прошлого и настоящего, бытового и сакрального, хранителем традиционных ценностей [1, с. 11–12]. Во-вторых, это сопряжение северодвинского локуса с сообразными его внутренней сущности титаническими и эсхатологическими смыслами Петербургского текста русской литературы, восходящими к мифам о создании и гибели города [2, с. 41], что является результатом действия принципов историко-мифологической аналогии и смысловой трансгрессии [3]. Таким образом, в 1990-е годы в текстах

северодвинских поэтов, и прежде всего нового поколения, запульсировала начисто лишённая советской патетики единая – кросс-темпоральная, кросс-жанровая, кросс-персональная – идея о трагической судьбе города, устанавливающая направленные ассоциативно-смысловые связи и резонансные отношения между СПТ и Петербургским текстом русской литературы.

Отметим, что смыслопорождающие связи с Петербургским текстом, и прежде всего через образ Петра Великого, свойственны и другому субтексту Северного текста – Архангельскому городскому тексту, который, по наблюдениям его исследователей, репрезентирует «достаточно целостный интертекстуальный образ города, занимающего пограничное положение между сушей и морем, города-порта, имеющего свои собственные связи с внешним миром, города-двойника Петербурга, города-феникса, переживающего периоды упадка и расцвета в своем развитии» [4, с. 281–282; 5]. При этом названным текстовым формациям свойственны общий мотивный и образный репертуар (мотивы *пути, поиска, испытания, борения, гибели, спасения, замкнутого пространства, одиночества* и др.; образы *моря, реки, берега, дороги, дома, белых ночей, зоны, погоста, болота* и др.); инвариантный сюжет (продвижение героя в физическом и метафизическом пространстве локуса, переживание его судьбы как своей собственной, поиск ответов на вечные экзистенциальные вопросы, путей спасения); тип лирического героя (наделенного исторической памятью, чувством космизма – обостренным вниманием к предельным моментам человеческой и мировой судьбы, мятущегося, страдающего духовного странника, которому, говоря словами И. Павлова, *родиться во Христе лишь предстоит*)⁴.

На наш взгляд, важнейшим литературным фактором, обусловившим имплицитное в системе Северного текста нового структурного образования – Северодвинского субтекста, стали

---

³Город и завод были заложены в 1936 году, а в 1939-м на стапеле уже стоял первый корабль; к 1945 году было отремонтировано 139 кораблей.

⁴Павлов И. Во тьму // Павлов И. Огонь преображения: Стихи. Критика. Заметки. Архангельск, 2001. С. 41.

преисполненные религиозного порыва к святости тексты Ильи Георгиевича Павлова (1954–1992) – поэта, философа, публициста. В 1988 году в городской газете «Северный рабочий» – тогда официальном органе Северодвинского горкома КПСС – среди подборки стихов к 50-летию города было опубликовано его стихотворение (1987), поразившее многих своим драматизмом, непривычным, неожиданным ракурсом видения города, яркой образностью, ранее никогда не звучавшим духовным тоном:

Соты прямоугольных кварталов.
Вид с небес не обрадует глаз.
Чей-то ум, занятой и усталый,
Сочинил этот город для нас.
Не века, а державная воля
Подняла этот город-завод,
Где, оставив погосты и поле,
Собрался деревенский народ.
Здесь прошло наше взрослое детство.
Где ты, море, где берег реки?
Не деля принимаем в наследство
Славу предков и все их долги⁵.

Сквозь узнаваемые городские реалии (*прямоугольные кварталы, город-завод; море, берег реки*), конкретно-исторический фон в стихотворении отчетливо проступает обобщенно-символический план Северодвинска, создаваемый фиксированной горней точкой зрения (*с небес*), словами-образами неопределенной и отрицательной семантики (*чей-то ум, занятой и усталый; вид не обрадует глаз*), высокой книжной лексикой (*державная воля; принимаем в наследство славу предков*) и, что знаменательно, насыщенностью реминисценциями из Петербургского текста. Вводя текст в поле воздействия

смысловых излучений ключевых концептов данного сверхтекста, эти цитатные ряды определяют интерпретативный код, углубляют смысловую перспективу текста и участвуют в создании мощного подтекста.

Так, стих *Сочинил этот город для нас* фокусирует в тексте смыслы из «Петербурга» И.Ф. Анненского, создавая тем самым условия для новых и новых смысловых импликаций: *Сочинил ли нас царский указ? / Потопить ли нас шведы забыли? Вместо сказки в прошедшем у нас / Только камни да страшные были*⁶. Об этом стихотворении Н.П. Анциферов написал следующее: «Его город – проклятая ошибка. У него нет прошлого, нет поэзии, нет святых. Сочиненный город поддерживает свое бытие насилием и кровью. Гибель его неизбежна. И все же в этом проклятии нет ненависти, а скорбь, рожденная сознанием непонятной связи с роковым городом» [6, с. 164]. По сути, через эту реминисценцию в тексте И.Г. Павлова, шире – в СПТ, являет свою inferнальную сущность Петербург – тоже «сочиненный» город, названный Ф.М. Достоевским «умышленным», и находит выражение авторское чувство скорби.

Смысловая аттракция образов двух «искусственных» городов, наблюдаемая в СПТ, отчасти мотивирована расхожим среди северодвинцев мифом о сходстве урбанистического пространства их города с пространством Петербурга⁷. Так, стойкие ассоциации с северной столицей вызывают «прямоугольные кварталы» Северодвинска: улицы в нем строго симметричны, словно линии Васильевского острова; ср.: *Расчерчен город по линейке...*⁸ Отметим,

⁵Павлов И. Соты прямоугольных кварталов... // Сев. рабочий. 1988. 5 янв. С. 3.

⁶Анненский И.Ф. Желтый пар петербургской зимы... // Анненский И.Ф. Стихотворения. М., 2014. С. 11.

⁷Надо полагать, что на возникновение этого мифа повлияли, например, следующие факты: Молотовск проектировали архитекторы из генеральной проектной организации Ленинградского государственного института проектирования городов (Ленгипрогор) – они производили привязку к местности большинства объектов; среди инженерно-технических работников (ИТР) завода № 402 было много ленинградцев – репрессированных и вольнонаемных, – составлявших интеллектуальную элиту Северодвинска; на Севмаше реализовывались только те проекты лодок, которые были разработаны ленинградскими инженерами; Севмашвтуз являлся филиалом Ленинградского кораблестроительного института (Корабелки); и др.

⁸Прудникова А.В. Расчерчен город по линейке... // Прудникова А.В. Избранное: Стихи. Архангельск, 2000. С. 100.

что мотив духовного притяжения Петербурга, при этом усиленный эпитафией из И. Бродского, пронзительно звучит в стихотворении А. Менца: *Я бы тоже пришел умирать на Васильевский остров, / Не спеши запахнувши тулуп, замахнувши стакан*⁹.

Как интертекстуальный знак Петербургского текста в стихотворении Павлова воспринимается образ не названного и оттого еще более страшного «некто», сочинившего город-мираж среди *тьмы лесов и топи блат* (А.С. Пушкин). Такой способ табуирования имени кумира (ложного бога, идола) использовался для обозначения Петра I, в частности Пушкиным в «Медном всаднике», З. Гиппиус в ее стихотворениях о Петербурге (см. об этом: [7, с. 353]). Поэтому закономерно, что за стихом *Чей-то ум, занятой и усталый* обнаруживается целый шлейф ассоциативно направленных смыслов, связанных с олицетворяющим державную волю образом Петра Великого – пушкинского и фальконетовского, преисполненного уверенности в неколебимости созданного им града и вместе с тем хладного равнодушия к жертвам Невы.

Среди других возможных образов-ассоциативов, создающих в тексте И.Г. Павлова «тесноту смыслового ряда», можно назвать и блоковских двенадцать, которые «вдаль идут державным шагом...»; и Некто в сером из «Жизни Человека» Л. Андреева, который, по словам М. Волошина, символизирует «некоторую правящую силу», «облачен атрибутами высшей власти и высшей безучастности» [8, с. 457, 459]; и загадочного «Некто 1917» из таблицы В. Хлебникова «Взор на 1917» с датами гибели великих государств

прошлого, которой заканчивался сборник «Пощечина общественному вкусу» (1912); и др.

Вполне соотносим *чей-то ум* и с личностью Сталина, и с коллективной волей партии большевиков, во исполнение которой и был возведен город в районе Никольского устья Северной Двины. Таким образом, в силу направленной соотнесенности между образами Сталина и Петра I, Северодвинска и Петербурга в тексте И.Г. Павлова, как и в СПТ в целом, происходит конвергенция таких эсхатологических смыслов Петербургского текста, как «дьявол», «антихрист», «дьявольское порождение», «город на костях, на болоте», «проклятое, опасное место, где жить нельзя». В рамках СПТ этот смысловой комплекс находит поддержку, например в символическом образе выздоравливающей от сталинизма России: *К востоку – снега коросты, / Размытая грязь весны. / Следы от сталинской осы / проходят*¹⁰; в мотивах обреченности города, его грядущей гибели: *И незаметной, тихой миной / Наш городок в тайге лежит*¹¹; *Двадцать лет – а в лесу за городом / Тысячи тел легли*¹²; *Обреченно вцеплялся в жизнь*¹³; в мотиве поиска пути спасения города: *В этом городе нет Христа – Есть отчаянный поиск веры*¹⁴.

Этико-эстетические установки Павлова проявляются в мотивах *общинного святого чувства дома, крестьянского непонятого «мы»*¹⁵, гибели русской деревни (а это ключевой мотив Северного текста): *По деревням умолкло слово «мы», / и «я» почти никто не произносит*¹⁶. Пространство деревни-родины, в котором сакральное, вечное сопряжено с бытовым, сиюминутным,

⁹Менц А. Письмо из Северодвинска в Питер. URL: <https://www.stihi.ru/2014/02/26/1402> (дата обращения: 24.01.2018).

¹⁰Павлов И. Геополитика // Павлов И. Указ. соч. С. 20–21.

¹¹Прудникова А. Закрытый город // Прудникова А. Три бутылки: Стихи. Архангельск, 1999. С. 137.

¹²Прудникова А. Город наш – молодежная стройка // Межень: Стихотворения. Северодвинск, 2016. С. 22.

¹³Щербинина Т. Вороны // Щербинина Т. Осколки музыки: Стихи. Северодвинск, 2009. С. 187.

¹⁴Менц А. Возвращение в город С.

¹⁵Павлов И. I лицо множественного числа // Павлов И. Указ. соч. С. 47.

¹⁶Там же. С. 48.

являет себя в его стихах через образы избы и «в глине сапог», креста и закатного солнца, реки и ручья, можжевельника и теплой горы, куста рябины и оврага, березы и черемухи: *Ягоды чернеют одинокие / В поржавевшей неживой листве, / Плесневеют стены пустоокие / В нежилом паучьем колдовстве*¹⁷. Через эти же образы раскрываются мотивы сердечной причастности миру горнему, проявления божественного в мире дольном: *Но сердцем глядя на знакомый куст, / Я вдруг произношу совсем иное, / Совсем иное имя – Иисус*¹⁸.

Из воспоминаний о поэте, из его стихов явствует, что он читил деревню, ее вековой жизненный уклад, традиции, считал ее истоком и воплощением всего русского. Поэтому отнюдь не случайно открытое пространство деревенского поля, *погосты* как символ родовой памяти противопоставляются Павловым замкнутому и тесному городскому пространству: образы *соты* и *прямоугольные кварталы* отмечены негативной коннотацией. Укажем также, что мотив неприятия городского уклада жизни – сквозной в поэзии Павлова, о чем могут свидетельствовать хотя бы следующие строки из его стихотворений: *У врат небесных плачет Богородица / Над струпьями индустриальных зон*¹⁹; *Злые электрические мысли / Железобетонных городов*²⁰ и др.

Представляет интерес вторая редакция (1987) анализируемого павловского стихотворения, получившего в ней название «Закрытый город». Оно было опубликовано в первом (и посмертном) сборнике поэта «Делатель совести» (1993), изданном его другом, писателем А. Драчевым. Приведем фрагменты текста этой редакции, в котором все внесенные поэтом изменения

выделены нами курсивом: *Клетки прямоугольных кварталов <...> Чей-то ум, занятой и усталый, / Зыбкий город придумал для нас. / Не века – окаянная воля / Подняла этот город-завод, <...> Здесь прошло наше стылое детство. <..> Но мы приняли это наследство, / И придется отыскивать средства / Сообща заплатить все долги*²¹.

В обретенном стихотворении названии «Закрытый город» воплотился многогранный образ-символ, ставший для других северодвинских поэтов своего рода символической матрицей. В 1992 году появился «Закрытый город» Ангелины Прудниковой, а в 2009 году было опубликовано стихотворение с таким же названием Татьяны Щербининой. Надо думать, поэты сознательно прибегли к редупликации главного образа павловского текста. Впрочем, это явление можно объяснить словами В.Н. Топорова о схожей ситуации, наблюдаемой в Петербургском тексте: «Автор или вообще не задумывается, “совпадает” ли он с кем-нибудь еще в своем описании Петербурга, или же вполне сознательно пользуется языком описания, уже сложившимся в Петербургском тексте, целыми блоками его, не считая это плагиатом, но всего лишь использованием элементов парадигмы неких общих мест, клише, штампов, формул, которые не могут быть заподозрены в акте плагиатирования» [9, с. 261].

Семантика слова *закрытый* не только передает специфику существования г. Северодвинска в советской действительности («скрытый, не обнаруживающийся явно»²²; «режимный, подчиняющийся специальному режиму»; «связанный с оборонной промышленностью»²³;

¹⁷Павлов И. Черемуха // Павлов И. Указ. соч. С. 24.

¹⁸Павлов И. Сестра художника // Павлов И. Указ. соч. С. 33.

¹⁹Павлов И. Окно // Павлов И. Указ. соч. С. 19.

²⁰Павлов И. Голосили и голосовали // Павлов И. Указ. соч. С. 81.

²¹Павлов И. Закрытый город // Павлов И. Делатель совести: сб. стихов. Вологда, 1993. С. 43.

²²Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981. Т. 1. С. 533–534.

²³Современный толковый словарь русского языка Ефремовой. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/237825/Режимный> (дата обращения: 26.12.2017).

‘секретный, засекреченный’²⁴), но и актуализирует смыслы, относящиеся к его провиденциальной, духовной сфере, связанные с внутренней сущностью города, передаваемые в языке такими словами-синонимами, как *несвободный, плененный, огражденный, изолированный, обреченный, глухой, скрытый, одинокий*. Также несомненно, что образ *клетки прямоугольных кварталов* (вместо *соты* из первой редакции) наиболее точно выражает идею несвободы города. Замена «политкорректного» эпитета *державная воля* на отягощенный историческими, книжными и фольклорными ассоциациями пейоратив *окаянный*²⁵ способствует экспрессивному выдвиганию эсхатологических смыслов в стихотворении, акцентированию идеи отрицания коммунистической идеологии, тоталитаризма, воинствующего атеизма (вспомним: *взгляд с небес не обрадует глаз*), всего того, что погубило жизни тысяч невинных людей, узников ГУЛАГа – строителей закрытого, изолированного от мира города, шире – общества. Пронзительно звучит в тексте и мысль об ответственности за прошлое, неоплатном долге перед теми, кто разделил свою судьбу с трагической судьбой города, России.

Для Северодвинского текста «Закрытый город» И.Г. Павлова стал программным стихотворением: вслед за ним город начал порождать и другие произведения, в которых с жесткой экспрессией стала обнажаться его прежде скрытая трагическая ипостась. На словесно-концептуальном уровне ее представляют ключевые для Северного текста образы *болота, кладбища, могил, тюрьмы/зоны, стены, границы*, а также мотивы *пути, преодоления пространства, памяти, жизни и смерти, долга, вечного обновления*

жизни и др., которые конгруэнтны идее замкнутого, тесного пространства.

Эсхатологический вектор Петербургского текста четко просматривается в стихах другого талантливого северодвинского поэта, тоже рано ушедшего из жизни, – Андрея Сазонова (1967–2001): *Мой город Петербургом сочинен. / Их клювый грифель, наслоненный глиной, / Здесь ледяным созиждал каменный свой сон / И стен считал фуфаечные спины...*²⁶

«Стены фуфаечных спинов» – графически точный образ колонн заключенных, идущих в сопровождении конвоиров на строительство Молотовска и военного завода № 402. По воспоминаниям старожилов, «привычными для горожан были серые колонны узников, которые чаще всего передвигались именно по Северной [ныне – ул. Торцева]. Спешащие на завод знали: замешкаешься, не успеешь пересечь улицу, и можно запросто опоздать на работу, угодить под суд, колонна тянулась, казалось, до бесконечности» [10, с. 6]. Очевидно, что стих *И стен считал фуфаечные спины...* – это отсылка к известному образу А. Блока из стихотворения «Фабрика»: *Недвижный кто-то, черный кто-то / Людей считает в тишине*²⁷. Вместе с тем оба этих стиха отмечены смысловой аттракцией с павловской перифразой: *Чей-то ум, занятой и усталый*. Показательно, что образы *фуфаечные спины* и *сочиненный город* спустя время повторяются в стихотворении Т. Щербининой, которое представляет собой своего рода реплику в поэтическом диалоге с Сазоновым, ср.: *Снова ангел в истлевшей фуфайке / У высотного дома стоит; Город мой, сочиненный ГУЛАГом / И навечно оставшийся в нем*²⁸. Конечно, в данном случае сказались тесное общение поэтов и знание

²⁴Словарь русских синонимов. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-synonyms-term-21832.htm> (дата обращения: 26.12.2017).

²⁵Слово *окаянный* обозначает проклятого, отвергаемого церковью грешника, злое начало, а в народном употреблении – нечистую силу, лукавого, поскольку соотносится с именем братоубийцы.

²⁶Сазонов А. Мой город Петербургом сочинен... // Сазонов А. Сочинения / ред. А.Н. Нефедов. Северодвинск, 2003. С. 24–25.

²⁷Блок А. Фабрика // Блок А. Русь моя, жизнь моя... М., 2015. С. 39.

²⁸Щербинина Т. Не прошлое // Щербинина Т. Дорога, которой нет: Книга стихов. М., 2016. С. 79.

стихов друг друга. Такие смысловые переключки в текстах разных авторов усиливают эффект смысловой трансгрессии, экспрессивности, приводящей к созданию сверхтекстового единства и появлению у него особой «энергетики цельности» (В.Н. Топоров).

Одним из лейтмотивных образов Северодвинского текста является образ *болота*. В стихотворении Павлова этот образ и его хтоническая сущность имплицитно опираются на фоновые знания о Северодвинске и лексическое значение слова *зыбкий*²⁹: *Зыбкий город придумал для нас* (ср. обиходное: *зыбкое болото*). Но у Павлова эпитет *зыбкий*, конечно, не столько ландшафтная характеристика городского пространства, сколько точно переданное ощущение иллюзорности, непрочности города и человеческого существования вообще. В то же время и образ *зыбкого города*, и блоковская реминисценция служат актуализации образа Петербурга, также построенного на болоте, на сваях и... на костях, – призрачного, фантомного города, в котором *каждый зыбкий перекресток / Тупым предательством дрожит* (З. Гиппиус)³⁰. Смысл об отсутствии надежной духовной опоры у города – ключевой в СПТ. Например, в стихотворении В. Голубцова его выражают слова с оценочной коннотацией, обнажающие антигуманную сущность основы города: *...стоит наш город на болоте / И на костях замученных зэка*³¹. У Т. Щербининой образ болота вырастает до обобщающего символа страшного прошлого города, которое преследует, словно морок: *Дряблой памяти злое болото*

*/ И не думает нас отпустить*³². А у А. Менца он служит выражению мотива укорененности в замкнутом, больном пространстве города: *Но какими ж корнями я в эту болотину врос?*³³

В северорусской поэтической картине мира образ болота амбивалентен. С одной стороны, это «место опасное, гибельное (гибельное во всех смыслах: и как топь, и как место обитания нечистой силы. Русская поговорка говорит: “Было бы болото, а черти будут”). А с другой – изобилующее дарами природы: прежде всего ягодами» [11, с. 85]. Эта особенность ярко проявляется и в СПТ. Так, если в «закрытом» пространстве города болото предстает исключительно гибельным местом выморочного существования человека, то за пределами города оно может вызывать положительные эмоции, как, например, у Т. Щербининой: *Лесное царство Берендея, / Болотно-комариный рай!*³⁴

Часто образ болота соотносится с образами кладбища, развороченных могил, костей и крови: *...наш город вырос на костях / в прямом и в переносном смысле. / И жидкость в кране желтовата, / как ни хлорируем ее мы. / Водато с кровью здесь, ребята, / во всех окрестных водоемах*³⁵. Благодаря смысловой трансгрессии образ желтоватой воды-крови ассоциативно сопрягается с различными номинациями *крови, огня, Медного всадника*, входящими в доминантную образную парадигму Петербургского текста. Ср., например, в текстах З. Гиппиус: *Река не смоем рыжих пятен; Те пятна, ржавые, вкипели; Над змеем стынет медный конь*³⁶;

²⁹*Зыбкий* – ‘легко приходящий в состояние движения, колебания; находящийся в состоянии легкого колебания; неустойчивый, ненадежный, изменчивый’. См.: Словарь русского языка. Т. 1. С. 624–625.

³⁰Гиппиус З.Н. Петербург // Гиппиус З.Н. Сочинения. Стихотворения. Проза. Л., 1991. С. 117.

³¹Голубцов В. Пусть говорят, что он провинциален... // Город мой молодой: сб. стихов о Северодвинске / сост., ред. А. Ширшиков. Северодвинск, 2013. С. 20.

³²Щербинина Т. Не прошлое // Щербинина Т. Указ. соч. С. 79.

³³Менц А. Письмо из Северодвинска в Питер.

³⁴Щербинина Т. Деревня: дерево, вода // Щербинина Т. Стихи – это листья. Северодвинск, 2003. С. 28.

³⁵Ипатов А. Слеза ребенка пустяк... // Ипатов А. Провинция у моря. Беломорский вариант. Северодвинск, 1992. С. 6.

³⁶Гиппиус З.Н. Указ. соч. С. 117, 118.

*Рыжелипкие струи*³⁷. Тем самым по принципу *pars pro toto* и в тексте А. Ипатова, и в СПТ в целом (ср., например: *Останки подводных лодок, куски огромных кораблей, / Ржавые жизни людей*³⁸) создается «эффект свечения»; в них обнаруживает себя мифологема о гибели города – резонанс, идущий через «Медного всадника» из Библии: «Горе строящему город на крови и созидающему крепости неправдою!» (Авв. 2:12).

Что касается образа кладбища, то его ключевой статус также мотивирован мифологизированными особенностями внетекстовой структуры СПТ и его связью с Петербургским текстом. Так, известно, что на территории города находилось несколько кладбищ и некоторые кварталы возведены прямо на их месте³⁹. Это обстоятельство породило представление о Северодвинске как о большом застроенном кладбище, как городе, который, по словам А. Ипатова, *костьми строителей своих / армировал фундамент рая. / Я видел волосы, гробы / и черепа, и экскаватор. / Земля вставала на дыбы...*⁴⁰ Своеобразно трансформируется этот мифогенный образ у Э. Федоренко: *Как подводный Китежград, тут подземный Молотовск. / Правые, неправые... Навсегда свои*⁴¹. Доминантный мотив гибели города, построенного на крови, отзывается в тексте Т. Щербининой в образе *ядерного могильника*, проявляется через оппозицию «искусственное/природное», особо значимую для СПТ: *Вокруг такая красота! / Летит снежок*

*алмазной пылью. / И забываешь иногда, / Что город – ядерный могильник*⁴².

Отметим, что посредством данной антитезы в СПТ реализуется смысл о городе, который, воплощая силу разума, государственную волю, идеологию подавления и уничтожения естественного в человеке, находится в постоянной конфронтации, борьбе с природой – хранильницей жизненного, божественного начала. Очевидно, что вхождение образа города-могильника в поэтический арсенал СПТ также мотивировано аксиологическими особенностями его внетекстовой структуры (опасная близость города и хранилища радиоактивных отходов, выгруженных с атомных подводных лодок; угроза повышения радиационного фона в городе, большие риски онкологических заболеваний; актуализация мифа о гибели города). В связи с этим не удивительно, что в СПТ критическому осмыслению подвергается даже гордость города – его военно-оборонные предприятия. Так, у той же Т. Щербининой завод принимает образ зловещего чудища, начиненного «мирным» атомом: *И каждый день о ком-нибудь / Висят на вахте некрологи. / Диагноз знать не мудрено, / (Не нужен даже патанатом), / Виновно чудище одно – / Всех пожирает «мирный» атом*⁴³. Радиация словно разлита внутри города: так, она может прятаться в траве. У А. Прудниковой обыденная зарисовка превращается в знак грядущей трагедии,

³⁷Гиппиус З.Н. Все она // Гиппиус З.Н. Указ. соч. С. 182.

³⁸Новицкий Вл. Северодвинск. URL: <http://www.stihi.ru/2013/07/14/5953> (дата обращения: 24.01.2018).

³⁹По словам А.Н. Бурлова, «несмотря на его [Северодвинска] сравнительную молодость, в сегодняшние дни Миронова гора – это уже пятое место погребения: до второго участка и Ягр, Малой Кудьмы, хоронили и в северо-западной части города, примерно там, где сейчас площадь Егорова» [10, с. 7].

⁴⁰Ипатов А. Когда мой город разрастался... // Ипатов А. Указ. соч. С. 10. Это стихотворение имеет посвящение: «Памяти 1-го Северодвинского кладбища вольнонаемных, действовавшего с 1936 г. по 1947 и уничтоженного в начале шестидесятых».

⁴¹Федоренко Э. Этот странный город – здесь одни собаки... // Федоренко Э. Когда метут циклоны / сост., ред. А. Прудникова. Северодвинск, 2014. С. 42.

⁴²Щербинина Т. Закрытый город // Щербинина Т. Осколки музыки. С. 163. По словам Т. Щербининой, импульсом к написанию этого стихотворения для нее стала безвременная смерть родного человека, трудившегося на «заказах» Севмаша (из письма Р. Попову (2017 год), которое хранится в личном архиве Р. Попова).

⁴³Там же.

апокалиптического предзнаменования: *Мальчик ходит, листовою шуриша, / А листва – до колен. / Он не знает, что листья «трещат» / От проклятых рентген*⁴⁴. Она, радиация, настолько привычна, что о ней сообщается как бы мимоходом, вскользь: *Закапывают листья. Радиация / Тому причиной или чья-то блажь?*⁴⁵

Мотив гибели города находит развитие в образах ночи, темноты, тусклого света – атрибутах замкнутого пространства. Погруженным в полярную ночь, преисполненным экзистенциальной тоски изображается город в стихотворении Т. Щербининой: *Кто-то звезды приклеил на скотч, / кто-то выключил небо вверху / и придумал полярную ночь, / разбавляя спиртом тоску*⁴⁶. Вещунами гибели, смерти города (в соответствии с фольклорной традицией) являются черные птицы и огонь: *Ой, как громко кричат вороны! / Голоса их черным костром / Обездоленно, обозленно / Польшают над городком*⁴⁷.

Непременным природным признаком Северодвинска является также холодный, пронизывающий насквозь ветер – символ пограничного, запредельного существования человека в городе: *На улицах в нем свищут ветры – / Всегда в лицо*⁴⁸. Жертвой inferнальных сил, испытывающих человека на прочность, предстает город в стихотворении Василия Шельгина: *Ветром выдуло тепло, / Город ежится от стужи. / На дворе заволокло / Белым льдом пустые лужи. / Листопад отшелестел. / Стынет колоколом небо. / У ларька народ густел, / Строил очередь за хлебом*⁴⁹.

У А. Прудниковой идея замкнутого пространства, несвободы находит выражение через уподобление завода зоне: *Забор с колючкой – в память эков, / Что строили завод огромный; В нем стали эками мы сами*⁵⁰. Своеобразно интерпретирует образ зоны и А. Поленов. Древний Николо-Карельский монастырь (в тексте его представляет образ-метонимия *старина*), от стен которого зачинался будущий Северодвинск, сейчас находится на территории Севмаша – это обстоятельство мотивировало уподобление монастыря эку: *Говорят, что умрешь молодым... / <...> Порожденье военной звезды, / Обречен быть пустым и забытым... / Что ответить им, Северодвинск..? / <...> То, что есть и в тебе старина, / Но она, словно эк, за колючкой?*⁵¹ Наконец, закрытое пространство в СПТ может принимать совсем уж неожиданные воплощения. Например, у Т. Щербининой оно выступает в образе *чума* (навеянном, видимо, центральным для стихотворения образом полярной ночи или, что тоже вероятно, созвучием с *чумой*): *А душа не успела застыть, / оттого-то, однако, хочу / из судьбы насовсем удалить / этот город, похожий на чум*⁵². Северодвинску приписываются такие свойства, как «странный», «повернутый к морю задворками»⁵³, где «одни собаки»⁵⁴. А в стихотворении А. Прудниковой эмоциональное отношение к городу передается посредством емкой оксюморонной формулы «родимый – но не мой»: *Родимый город, ты не мой,*

⁴⁴Прудникова А. Солнца свет. Яркий день. И малыш... // Прудникова А. Три бутылки. С. 210.

⁴⁵Павлов И. Закапывают листья... // Павлов И. Указ. соч. С. 71. Эпиграф к этому стихотворению представлен только в указанном сборнике – в других книгах поэта он снят.

⁴⁶Щербинина Т.Ю. Полярная ночь // Щербинина Т.Ю. Дорога, которой нет. С. 41.

⁴⁷Щербинина Т.Ю. Вороны // Щербинина Т.Ю. Осколки музыки. С. 187.

⁴⁸Прудникова А.В. Расчерчен город по линейке... С. 100.

⁴⁹Шельгин В. Стою за хлебом // Шельгин В. Преодоление. Северодвинск, 2000. С. 162.

⁵⁰Прудникова А. Закрытый город // Прудникова А. Три бутылки. С. 137.

⁵¹Поленов А. Северодвинску // Поленов А. Ты стоишь...: Стихи. Северодвинск, 2008. С. 88.

⁵²Щербинина Т. Полярная ночь // Щербинина Т. Дорога, которой нет. С. 41.

⁵³Павлов И. Борхес // Павлов И. Указ. соч. С. 75.

⁵⁴Федоренко Э. Этот странный город – здесь одни собаки... // Федоренко Э. Указ. соч. С. 42.

не мой... / Здесь мысль ютится в желобе бетонном, / Не в силах крыл расправить за спиной...⁵⁵

Таким образом, северодвинские поэты, бросая вызов романтическо-одической традиции воспевания города, нарушая привычные с советских времен табу, обнажали враждебную жизни, христианской вере милитаристскую сущность города, сталкивая в одном контексте тетические и эсхатологические смыслы, вечные и преходящие ценности, которые, например, у А. Прудниковой выражаются через противопоставление образов *седых монастырей* и *гордыни полигона*: *А городок, в отместку людям, / Поставлен чертом был не зря / В краю глухом, немногочисленном, / У стен седых монастыря: / Увы, на жизни истребленье / Весь, целиком, нацелен он, / И для гордыни, без сомненья, / Незаменимый полигон...*⁵⁶ У А. Сазонова данная антитетичность проявляется в неистовом метании между «адам» и «раем» его больной души, в иступленной внутренней борьбе между человеком и поэтом, в поисках Дома-основы как в мире в целом, так и в его родном городе – *городшике-огороде* в частности: *Песок родной, заботливая глина! / Откройся околдованному сыну: / Где, где «Аминь»? Я тычусь наугад. / И только то всего и понимаю, / что если образа глядят из рая, / то в преисподнюю – не в нас они глядят...*⁵⁷

Закономерно, что предельное существование человека в «закрытом городе», в условиях Севера ожидаемо порождает у авторов СПТ мотивы предчувствия ранней смерти, роковой

судьбы: *На Севере кратка судьба поэта, / Как зимний день. / Здесь Запад и Восток, / Сойдясь, так мало оставляют света, / Что он без боли свой встречает рок*⁵⁸. В стихотворении Э. Федоренко со знаменательным посвящением И. Павлову: *Никем не заповедан мой сырбор <...> О городе, где можно умереть, / И да же умереть необходимо*⁵⁹. Проникновение в поэта сущность города оборачивается для многих поэтов трагедией, сам город оказывается «местом, где жить нельзя». Так, один за другим безвременно ушли из жизни Илья Павлов, Андрей Сазонов, Анатолий Порохин, Эдуард Федоренко, Андрей Менц...⁶⁰

Горячая грусть в глазах.
Две радуги над могилой.
И не успели мы вам сказать,
Что вы нужны и любимы...
И что такое поэт?
Только снег
Между болотом земным и небом⁶¹.

Таков он, «закрытый» Северодвинск, – *маленький город с печальной и странной судьбой; возлюбленный долгой зимы; хрупкий кораблик под парусом древней метели*⁶²; *город гомона воробьиных ссор*⁶³, *нитей с тополиных веретен*⁶⁴, *корабелов, моря, сосен, чаек: Город весенний мой... / Как ни считай года, / Каждую новой весной / Он молодой всегда*⁶⁵.

Таким образом, СПТ в смысловом плане антитетичен, его мифопоэтическое и мифологизированное пространство так же, как и про-

⁵⁵Прудникова А. О господи! Пройти в тени берез... // Прудникова А. Собачья роза. Архангельск, 1999. С. 78.

⁵⁶Прудникова А. Закрытый город // Прудникова А. Три бутылки. С. 137.

⁵⁷Сазонов А. Благословение // Сазонов А. Указ. соч. С. 10, 11.

⁵⁸Павлов И. На Севере кратка судьба поэта... // Павлов И. Огонь преображения. С. 117.

⁵⁹Федоренко Э. По всем приметам – мне бы помолчать... // Федоренко Э. Указ. соч. С. 130.

⁶⁰25 октября 2018 года пришло печальное известие: на 67-м году жизни скончался поэт А.В. Ипатов.

⁶¹Щербинина Т. Памяти Андрея Сазонова и Анатолия Порохина посвящается // Щербинина Т. Стихи – это листья. С. 101.

⁶²Щербинина Т. Маленький город с печальной и странной судьбой... // Щербинина Т. Указ. соч. С. 66.

⁶³Сазонов А. Мой город Петербургом сочинен... С. 25.

⁶⁴Голубцов В. Пусть говорят, что он провинциален... С. 20.

⁶⁵Шельгин В. Город весенний мой... // Шельгин В. Указ. соч. С. 95.

странство Северного текста русской литературы, пронизано смыслами и положительной, и отрицательной семантики. Такая амбивалентная смысловая установка мотивирована самой судьбой города, его сущностью, предназначенностью – служить защитой державе, защищать жизнь... убивая ее. Судьба города осмысливается поэтами через «умышленную» призму Петербургского текста, при этом в неразрывном

единстве с судьбой России, ее прошлым и настоящим, со своей судьбой. В СПТ, как и в Северном тексте в целом, высшие традиционные ценности выражаются образами деревни, монастыря, человека труда, реки, моря, деревьев, природных стихий и др. Каждый из аспектов СПТ (структурно-семантический, индивидуально-авторский, мотивно-образный и др.) заслуживает пристального изучения.

Список литературы

1. Галимова Е.Ш. Северный текст русской литературы как сверхтекст // Семантика и прагматика слова и текста. Поморский текст: сб. науч. ст. / отв. ред., сост. А.Г. Лошаков, Л.А. Савелова. Архангельск: Солти, 2010. С. 8–15.
2. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы. Избранные труды. СПб.: Искусство-СПБ, 2003. 612 с.
3. Лошаков А.Г. Трансгрессия как принцип организации семантического пространства сверхтекста // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: сб. науч. тр. / отв. ред. Т.В. Симашко. М.; Северодвинск: БИБКОМ, 2017. Вып. 8. С. 202–215.
4. Антитина А.С. Архангелогородский субтекст Северного текста // Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера: моногр. / сост., отв. ред. Е.Ш. Галимова, А.Г. Лошаков. Архангельск: ИМИДЖ-ПРЕСС, 2017. Т. 1. С. 276–282.
5. Лимерова В.А. Архангельск в сочинениях М.Ф. Истомина // Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера: моногр. / сост., отв. ред. Е.Ш. Галимова, А.Г. Лошаков. Архангельск: ИМИДЖ-ПРЕСС, 2017. Т. 1. С. 282–290.
6. Ациферов Н.П. Душа Петербурга. Л.: Лира, 1990. 256 с.
7. Лошаков А.Г., Гавришук Е.А. Петербургский текст З.Н. Гиппиус // Семантика и прагматика слова и текста: моногр. / отв. ред. А.А. Камалова, А.Г. Лошаков. Архангельск, 2004. С. 317–365.
8. Волошин М. Некто в сером. «Жизнь Человека» Леонида Андреева. (Альманах «Шиповник»), «Иуда Искариот и др.» Его же. (Сборник «Знания», кн. XVI) // Волошин М. Лики творчества. Л.: Наука, 1988. С. 457–463.
9. Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс-Культура, 1995. С. 259–367.
10. Бурлов А.Н. А ты мне, улица родная...: о Молотовске-Северодвинске, друзьях-товарищах и немного о себе. Северодвинск, 2016. 304 с.
11. Галимова Е.Ш. Образ болота в творчестве русских поэтов // Северный текст русской литературы: сб. / сост., отв. ред. Е.Ш. Галимова. Архангельск: Помор. ун-т, 2009. Вып. 1. С. 85–93.

References

1. Galimova E.Sh. Severnyy tekst russkoy literatury kak sverkhhtekst [Northern Text of Russian Literature as a Supertext]. Loshakov A.G., Savelova L.A. (eds.). *Semantika i pragmatika slova i teksta. Pomorskiy tekst* [Semantics and Pragmatics of Word and Text. Pomor Text]. Arkhangelsk, 2010, pp. 8–15.
2. Toporov V.N. *Peterburgskiy tekst russkoy literatury* [Petersburg Text of Russian Literature]. St. Petersburg, 2003. 612 p.

3. Loshakov A.G. Transgressiya kak printsip organizatsii semanticheskogo prostranstva sverkhteksta [Transgression as a Principle of Semantic Space Organization of the Supertext]. Simashko T.V. (ed.). *Problemy kontseptualizatsii deystvitel'nosti i modelirovaniya yazykovoy kartiny mira* [Problems of Reality Conceptualization and Linguistic Worldview Modelling]. Moscow, 2017. Iss. 8, pp. 202–215.

4. Antipina A.S. Arkhangelogorodskiy subtekst Severnogo teksta [Arkhangel'sk Subtext of the Northern Text]. Galimova E.Sh., Loshakov A.G. (eds.). *Severnnyy tekst kak logosnaya forma bytiya Russkogo Severa* [Northern Text as a Logos Form of Being of the Russian North]. Arkhangel'sk, 2017. Vol. 1, pp. 276–282.

5. Limerova V.A. Arkhangel'sk v sochineniyakh M.F. Istomina [Arkhangel'sk in the Works by M.F. Istomin]. Galimova E.Sh., Loshakov A.G. (eds.). *Severnnyy tekst kak logosnaya forma bytiya Russkogo Severa* [Northern Text as a Logos Form of Being of the Russian North]. Arkhangel'sk, 2017. Vol. 1, pp. 282–290.

6. Antsiferov N.P. *Dusha Peterburga* [The Soul of Petersburg]. Leningrad, 1990. 256 p.

7. Loshakov A.G., Gavrishchuk E.A. Peterburgskiy tekst Z.N. Gippius [Petersburg Text of Z.N. Gippius]. Kamalova A.A., Loshakov A.G. (eds.). *Semantika i pragmatika slova i teksta* [Semantics and Pragmatics of Word and Text]. Arkhangel'sk, 2004, pp. 317–365.

8. Voloshin M. Nekto v serom. “Zhizn' Cheloveka” Leonida Andreeva. (Al'manakh "Shipovnik"), “Iuda Iskariot i dr.” Ego zhe. (Sbornik “Znaniya”, kn. XVI) [Someone in Grey. *The Life of Man* by Leonid Andreyev. (Almanac *Shipovnik*), *Judas Iscariot and Others* Also by Him. (Collection *Znaniya*, Book 16)]. Voloshin M. *Liki tvorchestva* [Faces of Creativity]. Leningrad, 1988, pp. 457–463.

9. Toporov V.N. Peterburg i “Peterburgskiy tekst russkoy literatury” (Vvedenie v temu) [Petersburg and “Petersburg Text of Russian Literature” (an Introduction)]. Toporov V.N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo* [Myth. Ritual. Symbol. Image. Research into the Poetics of Myth]. Moscow, 1995, pp. 259–367.

10. Burlov A.N. *A ty mne, ulitsa rodnaya...: o Molotovske-Severodvinske, druz'yakh-tovarishchakh i nemnogo o sebe* [But You, My Dear Street...: About Molotovsk-Severodvinsk, Friends, and a Little Bit About Myself]. Severodvinsk, 2016. 304 p.

11. Galimova E.Sh. Obraz bolota v tvorchestve russkikh poetov [The Image of Marsh in the Works of Russian Poets]. Galimova E.Sh. (ed.). *Severnnyy tekst russkoy literatury* [Northern Text of Russian Literature]. Arkhangel'sk, 2009. Iss. 1, pp. 85–93.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.39

Aleksandr G. Loshakov

Severodvinsk Branch (Arkhangel'sk Region) of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
ul. K. Marksa 36, Severodvinsk, 164500, Arkhangel'skaya oblast', Russian Federation;
e-mail: a.loshakov@narfu.ru

Roman V. Popov

Severodvinsk Branch (Arkhangel'sk Region) of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
ul. K. Marksa 36, Severodvinsk, 164500, Arkhangel'skaya oblast', Russian Federation;
e-mail: r.popov@narfu.ru

ON THE TRAGIC ASPECT OF THE SEVERODVINSK POETIC TEXT

This article dwells on the tragic plane of content of the Severodvinsk poetic text. This text formation is a subtext of the Northern regional text of Russian literature (supertext). Active development of the Severodvinsk text started in the early 1990s due to the new generation of poets (I. Pavlov, E. Fedorenko,

---

For citation: Loshakov A.G., Popov R.V. On the Tragic Aspect of the Severodvinsk Poetic Text. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2018, no. 6, pp. 39–52. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.39

A. Prudnikova, A. Sazonov, T. Shcherbinina, A. Ments and others). It was in their works that the tragic manifestation of the Severodvinsk locus became especially vivid. They opposed the heroic, constructive and romantic motifs of official poems about the city. To a large extent, these tragic notes of the Severodvinsk text are determined by the fact that one of the labour camps was located on the territory of the city in the early years of its history. The following contributes to the uniform semantic space of the Severodvinsk text as a subtext of the Northern text: inner intertextual relationships, common repertoire of motifs and images (path, search, death, closed space, loneliness; sea, river, shore, home, swamp, cemetery, nuclear waste repository, zone, wind, night, black birds, etc.); invariant plot (the protagonist travels in the physical and metaphysical space of the locus in search for answers to eternal existential questions and salvation); type of protagonist (spiritual wanderer). As a result of historical analogy and semantic transgression, the Severodvinsk text develops thetic and eschatological meanings of a city's foundation and downfall that are attributed to the Petersburg text. These meanings are expressed through various citations and reminiscences. The fundamental manifestations of the Severodvinsk text are poems by I. Pavlov, A. Prudnikova and T. Shcherbinina with the same title: "The Closed City". In the subtext under study, an important part is played by parallelism in the images of Peter I and Stalin, although their names are often tabooed. Particularly poignant are the motifs of foreboding of death and tragic fate in the poems by such untimely deceased authors as I. Pavlov, A. Sazonov, E. Fedorenko, A. Ments and others. The mythopoetic and mythologized space of the Severodvinsk text is permeated with both positive and negative meanings.

Keywords: *Northern text of Russian literature, Severodvinsk poetic text, Petersburg text of Russian literature, urban supertext, eschatological myth, thetic myth, semantic transgression, Ilya Pavlov, Andrey Sazonov.*

Поступила: 29.01.2018

Принята: 31.07.2018

Received: 29 January 2018

Accepted: 31 July 2018